

Федеральное государственное
автономное образовательное учреждение высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Институт филологии и языковой коммуникации
Кафедра лингвистики и межкультурной коммуникации
45.03.02 Лингвистика

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой ЛиМКК
_____ Л.В. Куликова

« _____ » _____ 2016 г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

**ЯВЛЕНИЕ ЛОЖНОЙ ПОЛИТКОРРЕКТНОСТИ В
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ КАК ПРИЕМ
ВВЕДЕНИЯ МАССОВОЙ АУДИТОРИИ В ЗАБЛУЖДЕНИЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО
ЯЗЫКА)**

Выпускник

Е.С. Варава

Научный руководитель

канд. филол. наук, доц. Н.В. Бизюков

Нормоконтролер

Е.В. Дитерле

Красноярск 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ПОЛИТКОРРЕКТНОСТЬ И ЛОЖНАЯ ПОЛИТКОРРЕКТНОСТЬ: ПРОБЛЕМА РАЗГРАНИЧЕНИЯ.....	7
1.1 Речевая манипуляция в публицистическом дискурсе.....	7
1.2 Политкорректность и её манипулятивный потенциал.....	13
1.2.1 Эвфемизация как основа политкорректности	20
1.2.2 Дисфемизация как политкорректность наоборот	23
1.2.3 Ложные эвфемизация и дисфемизация как приёмы подмены понятий.....	24
1.2.4 Ложная политкорректность как продукт ложных эвфемизации и дисфемизации	25
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1	30
ГЛАВА 2. МАНИПУЛЯТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛОЖНОЙ ПОЛИТКОРРЕКТНОСТИ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ...	32
2.1 Ложная эвфемизация как разновидность ЛПК	33
2.2 Ложная дисфемизация как разновидность ЛПК.....	42
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2	50
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	51
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	53
ПРИЛОЖЕНИЯ	62

ВВЕДЕНИЕ

Публицистический дискурс (далее – ПД) является своеобразным плацдармом для манипуляции общественным мнением. Приемы речевой манипуляции весьма многочисленны, среди них можно выделить такие, как метафоры и метонимия, словосложение, конверсия, аффиксация, заимствования из других языков и др. Широко применяются эфвемизация и дисфемизация. Особого внимания заслуживает явление манипулятивного перефразирования, часто используемое в корыстных целях – завуалировать реальность, но особым образом: не заменить оскорбительное на нейтральное, а скрыть заведомо негативное либо очернить изначально не негативное, то есть оперировать не коннотациями, а подменой понятий. Данный феномен в нашем исследовании именуется ложной политкорректностью (далее – ЛПК) – политкорректностью «наоборот».

Для того чтобы не поддаваться грамотным уловкам журналистов, следует знать определенную базу, иметь некие знания о том, что такое политкорректность, эфвемизация, дисфемизация, ложная политкорректность, чем они схожи, понимать их роль в публицистике, а также уметь находить их непосредственно в тексте для дальнейшего анализа ПД на «реальность» и «правдивость».

Актуальность выбранной темы заключается в том, что явление манипуляции неистребимо, так как манипулировать означает иметь скрытую власть. Манипуляция пронизывает все виды человеческой деятельности; она, в том числе, встречается и в публицистическом дискурсе, где используется в корыстных целях. Выявленный нами феномен ложной политкорректности специально не изучался в трудах по речевой манипуляции, что также обуславливает актуальность нашей работы.

Исследования в области ПД (в некоторых случаях и его разновидности – политического дискурса), а также по темам политкорректности, эфвемизации, дисфемизации и манипуляции проводили такие российские

ученые, как С.Г. Кара-Мурза, А.Д. Васильев, Е.И. Шейгал, С.Г. Тер-Минасова, Т.В. Киселёва, А.В. Остроух, В.В. Панин, К.М. Шилихина, Г.А. Вильданова, В.И. Заботкина, Д.В. Герасименко, Л.Н. Шапина, Н.В. Бобок, Л.Г. Ионин, О.А. Леонтович, М.А. Кронгауз, О.С. Ахманова, Ю.Л. Туманова, Г.А. Копнина, Н.В. Бизюков, В.П. Белянин, С.А. Кисилева, В.В. Красных, М. А. Кронгауз и другие, а также зарубежные исследователи, такие как Т.А Van Dijk, А. М. Croom, В.В. Davidson, J. Feers, Н. Halmari, L. М. Finkelstein, Р. Hollander, А. Holliday, G. Hughes и другие.

Объектом исследования является публицистический дискурс.

Предметом исследования служат лингвистические средства выражения ложной политкорректности, используемой в манипулятивных целях.

Материалом исследования послужили известные англоязычные газеты и журналы, такие как *New York Times* (рубрики *Politics, Social, World, Health, Sports, Science, Opinion* и другие), *The Guardian* (рубрики *UK, World, Sport, Opinion, Culture, Lifestyle, Travel* и другие), *The Daily Mail* (рубрики *Health, U.S., Sport, TV&Showbiz, Money, Science* и другие), *The Telegraph* (рубрики *Worlds, Comment, Culture, Life, Politics* и другие), *The Proof* (рубрики *Culture, Design, Fashion, World* и другие), *SABC* (рубрики *Education, Politics, Africa, Finance, Opinion* и другие), *The London Evening Standard* (рубрики *London, Crime, Politics, Business, Comment* и так далее) и другие. Материал датируется не ранее, чем 2008 г.; общее количество отобранных статей, составивших корпус исследования – 150.

Цель исследования: продемонстрировать явление ложной политкорректности в публицистическом дискурсе и выделить языковые приемы, наиболее часто и эффективно используемые при применении данной манипулятивной стратегии.

Задачи исследования:

- 1) рассмотреть специфику манипуляции в публицистическом дискурсе;
- 2) опираясь на явление политкорректности, дать определение феномену ложной политкорректности;

- 3) выявить точки соприкосновения ложной политкорректности с ложной эвфемизацией и ложной дисфемизацией, показать их интегральные и дифференциальные черты;
- 4) продемонстрировать функционирование ложной политкорректности и приемов ее выражения в публицистическом дискурсе, а также показать ее эффективность как стратегии речевой манипуляции.

Методологический корпус исследования представлен:

- 1) семантическим анализом;
- 2) прагматическим анализом;
- 3) контекстуальным анализом;
- 4) логическим анализом;
- 5) сопоставительным анализом.

На отдельных этапах мы пользовались концептуальным анализом и анализом методом оппозиций.

Теоретическая значимость работы определяется вкладом в развитие теории речевой и дискурсивной манипуляции, эвфемизации и дисфемизации, а также ложной политкорректности как стратегии языковой манипуляции, употребляемой в ПД.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в рамках учебных курсов по лексикологии и стилистике русского и английского языков, а также для написания курсовых и выпускных квалификационных работ по языкознанию и журналистике.

Структура дипломной работы включает введение, 2 главы, заключение и список использованной литературы.

В первой главе рассматриваются понятия манипуляции, публицистического дискурса, политкорректности, эвфемизации (эвфемизм), дисфемизации (дисфемизм), явления ложной эвфемизации и дисфемизации, ложной политкорректности.

Во второй главе проводится подробный анализ материала, показан манипулятивный эффект ложной политкорректности, делаются выводы относительно ложной политкорректности.

В заключении подводятся итоги проделанной работы, формулируются основополагающие выводы, намечаются перспективы дальнейшего исследования.

Примеры, иллюстрирующие гипотезу исследования, и выдвинутые в работе тезисы приводятся в приложении.

О результатах исследования докладывалось на международных научно-практических конференциях:

- «Язык, дискурс, (интер)культура в коммуникативном пространстве человека» (СФУ, ИФиЯК, 2015 г.);
- «Молодежь и наука: Проспект Свободный – 2016» (СФУ, ИФиЯК, 2016 г).

Достоверность полученных результатов и обоснованность выводов обеспечивается комплексным подходом к изучаемой проблеме, используемых дополняющих друг друга адекватных методов исследования, а также разносторонним анализом обширного теоретического и практического языковых материалов.

ГЛАВА 1. ПОЛИТКОРРЕКТНОСТЬ И ЛОЖНАЯ ПОЛИТКОРРЕКТНОСТЬ: ПРОБЛЕМА РАЗГРАНИЧЕНИЯ

1.1 Речевая манипуляция в публицистическом дискурсе

В широком смысле слова манипуляцией можно считать любое общение, имеющее воздействие на адресата; всё, что мы говорим, должно вызывать определенную реакцию. Однако просьба, приказ, рекомендация, или речевое насилие – эти виды воздействия не скрывают ни своей цели (побуждение к действию), ни методов (четкое руководство, подкрепленное вежливостью, угрозой или оскорблением). В нашей работе мы рассматриваем манипуляцию в узком смысле – как воздействие тайное, незаметное. Манипуляция начинается там, где у жертвы речевого воздействия кончается логика и здравый смысл и начинается апелляция к эмоциям (желательно, низменным) – страху, агрессии, жадности. «Задача манипулятора – вызвать у людей неосознаваемую эмоцию для понижения у них уровня логики и далее – совершения ими нужного действия» [Шабанов, Алешина, 2013: 341]. Также не остаются без внимания манипулятора привычки, стереотипы и модели поведения людей, на которых направлена манипуляция. Успех манипулятивного потенциала заключается в том, что он является эффективным инструментом влияния на человека.

Обратимся к некоторым словарным дефинициям термина «манипуляция»:

- Манипуляция – это «способы социального воздействия на людей при помощи различных средств экономической, политической, социальной, массовой информации с целью навязывания им определенных идей, ценностей, форм поведения и т.д.» [Грицанов, Абушенко, Евелькин, Соколова, 2003: 732].
- Манипуляция – это «акт влияния на людей и управления ими или вещами с ловкостью, особенно с пренебрежительным подтекстом, как

скрытое управление или обработка» [Oxford Dictionaries, 2016; перевод Е.В.]

В своей работе С.Г. Кара-Мурза в одном из подходов к определению манипуляции определяет ее как метафору, употребляемую «в переносном смысле: ловкость рук в обращении с вещами перенесена в этой метафоре на ловкое управление людьми (и, конечно, уже не руками, а специальными «манипуляторами»)» [Кара-Мурза, 2015: 98].

Также, он акцентирует внимание на трех главных признаках манипуляции, где манипуляция – это:

1) «вид духовного, психологического воздействия (а не физическое насилие или угроза насилия). Мишенью действий манипулятора является дух, психические структуры человеческой личности» [там же]. Здесь «под манипулированием в большинстве случаев следует понимать психическое воздействие, которое производится тайно, следовательно, и в ущерб тем лицам, на которых оно направлено» [Кара-Мурза, 2015: 99];

2) «скрытое воздействие, факт которого не должен быть замечен объектом манипуляции. Как отмечается, «для достижения успеха манипуляция должна оставаться незаметной. Успех манипуляции гарантирован, когда манипулируемый верит, что все происходящее естественно и неизбежно» [там же];

3) «воздействие, которое требует значительного мастерства и знаний. Поскольку манипуляция общественным сознанием стала технологией, появились профессиональные работники, владеющие этой технологией (или ее частями). Возникла система подготовки кадров, научные учреждения, научная и научно-популярная литература» [там же].

Мы будем руководствоваться определением манипуляции, выведенным С.Г. Кара-Мурзой, которое заключается в том, что манипуляция – это «способ господства путем духовного воздействия на людей через программирование их поведения» [Кара-Мурза, 2015: 115], учитывая при этом три вышеописанных признака манипуляции.

Манипуляция является неотъемлемой частью всех сфер жизни общества, например:

- политической

*«Ukraine accused Russia of a “direct **invasion**” (entry) on Friday as a convoy of more than 130 aid trucks crossed onto its soil without consent and made its way towards a **rebel-held city**» [Parfitt, 2014].*

- экономической и социальной

*«...Nearly everyone agreed that the fallout from the Charlie Hebdo attacks, [...], was a distraction from a larger problem: a sense of increasing **social and economic marginalization** (poverty) [...]» [Ellick, Alderman, 2015].*

В данных примерах мы видим, как массовую аудиторию пытаются обмануть, подвергая факты искажению с помощью подмены понятий, убедить читателя в том, что, в первом случае, Россия – агрессивная страна, ведущая агрессивную политику в отношении Украины; во втором случае – отвлекающий манёвр, направленный на перефокусировку внимания населения с одной проблемы на другую, одновременно маскируя *бедность* словосочетанием *социально-экономическое изолирование*.

Манипуляция присутствует и в религиозной, и в политической, и в экономической, и в социальной сферах, так как они – отличные «плацдармы» для манипулирования всеми членами общества, являющихся «потребителями объективной информации либо получателями намеренно ложных сведений и, следовательно, жертвами манипулирования» [Бизюков, 2016: 142]. Здесь же следует обратить внимание на то, что иногда сложно четко отличить одну сферу от другой, и отнести ту или иную языковую единицу именно к этой сфере (например, *social and economic marginalization*) в силу универсальности их использования.

Поскольку манипуляция встречается практически в каждой статье публицистического дискурса, то стоит задуматься о причинах успешности манипуляции. В данном вопросе нельзя не согласиться С.Г. Кара-Мурзой,

который говорит о том, что главной причиной является то, что «в подавляющем большинстве случаев подавляющее большинство граждан не желает тратить ни душевных и умственных сил, ни времени на то, чтобы просто усомниться в сообщениях. Во многом это происходит потому, что пассивно окунуться в поток информации гораздо легче, чем критически перерабатывать каждый сигнал» [Кара-Мурза, 2015: 151].

Манипулирование имеет место быть только тогда, когда в речевых действиях присутствует скрытая корысть, ради достижения которой требуется незаметно навязать адресату чуждые для него ценности [там же]. Исходя из этого тезиса, Н. В. Бизюков классифицирует речевой контакт на:

- «собственно коммуникацию, цель которой – основанное на уважении к собеседнику конструктивное речевое взаимодействие;
- ложное общение, базирующееся на тщательно скрываемом уважении ценностей только самого манипулятора» [Бизюков, 2016: 142].

В нашем случае, второй тип уместно дополняет определение манипуляции в целом. Здесь же следует отметить, что манипулятор, в отличие от коммуникатора живет двумя языковыми жизнями, как бы ведет «двойную игру». «На виду» ложный коммуникатор в открытую констатирует ценность и значимость для него и тем более для ситуации личности собеседника и его интересов, в действительности (но это тщательно скрывается всевозможными способами) сознательно не признает ни ценностей, ни точек зрения (коммуникатора В), либо, не игнорируя их, тем не менее, ставит ниже собственных. Ложное общение можно считать успешными, если достигнута поставленная цель [там же], а раз ложное общение успешно, то можно заключить, что и акт манипуляции тоже успешен.

В той же статье упоминаются различные критерии «ложного» коммуниканта, или манипулятора, проявляющиеся в контакте с массовой аудиторией [...] «для вида»:

1. «Хорошо информирован о происходящем, глубоко знает ситуацию, применяет свои знания на благо коммуникативного партнера;
2. Ориентирован только на коммуникатора В как на информационную и тем более моральную «цель» коммуникации;
3. Открыто направляет речевую и неречевую деятельность на партнера по коммуникации, изъявляет готовность к бескорыстной помощи;
4. Искренне заинтересован в обсуждаемой проблеме, обладает здоровой логикой, проявляет добрые чувства;
5. Внушает собеседнику очень высокий информационный или духовный статус, иногда даже заостряет его внимание на превосходстве над самим манипулятором;
6. Видит ситуацию под самыми разными углами, адекватно и подчеркнуто самокритично осмысливает и интерпретирует происходящее;
7. Сообщает партнеру по коммуникации объективную информацию либо дает ссылки на конкретные источники при сообщении сомнительных данных» [там же].

Проблема заключается в том, что это как раз лишь «для вида», поэтому перечисленные замаскированные действия манипулятора являются действенными и при благоприятных обстоятельствах способны ввести в заблуждение кого угодно, чем широко пользуются как отдельные личности, так и СМИ.

Рассматривая манипуляцию в публицистическом дискурсе, стоит отметить, что ПД – это результат работы средств массовой информации, в том числе прессы (письменный публицистический дискурс). Более того, данным дискурсом активно пользуются политики, а политика – как раз та самая грязная сфера человеческой деятельности, где манипуляция живет и процветает. ПД является сочетанием горизонтального и вертикального контекстов, в результате чего любое невербальное сообщение способно

превратиться в мощное оружие манипуляции. Наглядным примером может послужить переход от политкорректности, цель которой – не ущемить права тех или иных групп, ни коим образом их не обидеть, заменяя отрицательно/негативно выраженное на сказанное положительно/нейтральное, к ложной политкорректности, цель которой диаметрально противоположна (заменить заведомо негативное/отрицательное на положительное/нейтральное и наоборот с целью манипуляции). Ложно политкорректные высказывания можно разделить на две группы, основанных на:

- очернении того, что может быть оценено нейтрально или даже положительно;
- облагораживании того, что подлежит отрицательному восприятию, но преподносится в заведомо ложном, приукрашенном виде.

Стоит акцентировать внимание на том, что «газетный текст – особый текст, важной чертой которого, помимо сведений, ориентированных на читателя, является еще и отсылка читателя к общему фонду знаний» [Бизюков, 2010: 167]. Понимание текста зависит всецело от компетентности адресата в том или ином вопросе, так как не обладание ей может привести даже к непониманию главной мысли текста.

Под публицистическим дискурсом понимается «сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста, экстралингвистические факторы – знания о мире, мнения, установки» [Белянин, 2009: 193; цит. по: Бизюков, 2010: 167]. «Цель публицистического дискурса – информирование адресата, а также формирование мышления особого рода для решения определенных задач: разубедить поддерживать конкурентов, поддержать какого-то кандидата на выборах и многое другое» [Бизюков, 2010: 167]. Следовательно, ПД одновременно информационный и манипулятивный. Однако сразу стоит сделать оговорку, что «дискурс не теряет своей целостности независимо от того, какая цель признана

первостепенной – информировать или манипулировать, так как он решает вторичные коммуникативные задачи и с этой целью соответствующе организован, связан не только с собственно языковыми, но и культурными факторами» [Белянин, 2009: 194; цит. по: Бизюков, 2010: 167].

К сожалению, единой принятой классификации, по которой можно было бы структурировать различные способы средств, как речевых, так и не речевых, применяемых манипуляторами, пока еще не создано.

Стоит учесть, что коммуникатор А настроен на конструктивную коммуникацию (в отличие от коммуникатора В, который является манипулятором, оперирующим антиподом политкорректности – ложной политкорректностью) и «пользуется только положительными языковыми приемами» [Бизюков, 2016: 142]. Сюда можно отнести и политкорректность, направленную на внимательное политкорректное отношение к адресату.

1.2 Политкорректность и её манипулятивный потенциал

В современном языкознании большое внимание уделяется лингвистическим изменениям, произошедшим и происходящим под влиянием различных факторов окружающей действительности. Нет сомнений в том, что язык – живой организм, активно реагирующий на все изменения, происходящие в обществе.

Язык неразрывно связан с культурой, традициями и менталитетом его носителей; он отражает процессы и явления, происходящие в обществе. Ярким примером такой связи могут служить изменения понятийной картины мира носителей английского языка, произошедшие «под влиянием мощного культурного, социального и языкового феномена, получившего название политической корректности» [Герасименко, 2011: 49].

Предвестником появления политкорректности многие считают так называемый «деревянный язык» или «дубовый язык». Этой же идеи

придерживается и Л.Н. Шапина, поясняя, что так называли «административный язык царского чиновничьего аппарата. В эпоху большевизма эпитет «дубовый» превратился просто в «деревянный», и это выражение употреблялось для названия особой манеры говорить и писать – застывшей, клишированной, кодифицированной, используемой на всех уровнях административного и политического аппарата и средств массовой информации. Постепенно сфера употребления выражения «деревянный язык» расширилась, и в настоящее время оно не всегда сопровождается политическим подтекстом» [Шапина, 2008: 6].

В конце XX столетия на смену «деревянному языку» приходит «политическая корректность» (также «политкорректность»; калька с англ. *political correctness*). Термин «политическая корректность» был впервые предложен «Карен де Кроу, президентом Американской Национальной организации в защиту женщин, в 1983 году» [Беляков, Матвейчев, 2009: 412]. С тех пор политкорректность – особая манера поведения, общения, система оценок. Сегодня политическая корректность – «обязательная часть языковой практики западного, в первую очередь, американского общества» [Бобок, 2010].

Некоторые исследователи, давая определение термину «политкорректность», совмещают социальный и лингвистический аспекты.

Мы понимаем это как «социальное порождает лингвистическое»: какая обстановка царит в обществе, такое и отношение к предмету или явлению. От этого зависит и подбор языковых средств обозначения и характеристики.

«*Political correctness* – политическая корректность: термин, появившийся в годы президентства Дж. Буша (старшего) и получивший распространение под влиянием левых и либеральных взглядов, в частности идеи культурного плюрализма. Он связан со стремлением избежать дискриминации женщин, этнических и сексуальных меньшинств, людей преклонного возраста и т.д. во всех сферах: при приеме на работу, назначении на руководящие должности, в общественно-политической жизни,

в сфере образования и культуры. В речи политкорректность проявляется в широком использовании эвфемизмов, позволяющих не задевать чувство собственного достоинства представителей разных социальных групп. В последнее время понятие политкорректности часто доводится до абсурда, в связи с чем становится объектом иронии и насмешек» [Леонтович, Шейгал, 1998: 289].

Следует упомянуть, что неким базисом для политкорректности можно считать теорию лингвистической относительности, разработанную в первой половине прошлого столетия американскими лингвистами Э. Сепиром и Б. Уорфом. Разделяющие данную точку зрения сторонники политической корректности полагают, что если изменить язык, то люди могут коренным образом поменять формы мышления.

По мнению М.А. Кронгауза, «течение политической корректности использует лингвистику для поиска тех черт обыденного языка и речевого поведения, которые сложились под влиянием традиционной культуры и навязывают современным носителям языка различные представления, связанные с неравенством и несправедливостью» [Кронгауз 2005: 93-94]. Приоритетной задачей политкорректности является устранение стереотипов, укоренившихся в человеческом сознании и закрепленных в языке в виде слов, которые могут быть интерпретированы как оскорбляющие достоинство представителей этих категорий людей. То есть политическая корректность представляет собой не только лишь систему теоретических воззрений, но и находит практическое применение, прежде всего, в стремлении изменить традиционные нормы словоупотребления в современном английском языке.

Очевидно, что существуют разные подходы к анализу политической корректности: иногда игнорируется или недооценивается социальная сторона, а иногда, наоборот, языковая сторона явления. Но сходство точно есть в одном: многие исследователи политкорректности отмечают ее гуманную направленность, так как основной задачей политической корректности является борьба с различного рода дискриминацией.

Поскольку английский язык является интернациональным, и, благодаря ему, осуществляется межкультурная коммуникация, неудивительно, что «феномен политической корректности зародился и получил свое развитие именно в англоязычном обществе и оказал влияние на английский язык, с помощью которого осуществляется международная коммуникация представителей различных национальностей» [Герасименко, 2011:51].

«Политическая корректность стремится избежать отношений, действий и, прежде всего, форм языкового выражения, которые заключают в себе предубеждение и могут вызвать чувство обиды у людей в зависимости от их пола, возраста, цвета кожи, расовой принадлежности или физического состояния» [Oxford Guide to British and American culture, 2005: 367; цит. по: Красных, Изотов, 2011: 51].

Мы согласны с точкой зрения Л.Г. Ионина, которая заключается в том, что смысл политической корректности – требование обходиться с неравными как с равными, что рассматривается как одно из самых больших ценностей и достижений современности. Люди должны считать равными белых и черных, мужчин и женщин, бедных и богатых, больших и маленьких, умных и глупых и т.д. «Это главное требование политической корректности, порождающей огромное количество парадоксов и абсурдов в политике и публичной жизни» [Ионин, 2012: 21-22]». Одновременно, это требование является источником выделяемой нами ложной политкорректности – речевого поведения, намеренно искажающего действительность, направленного, например, не на нейтрализацию «обидного», а на подмену понятий.

Большая актуальная политическая энциклопедия, в свою очередь, определяет политкорректность как «культурноповеденческую и языковую тенденцию, нацеленную на замену устоявшихся терминов, могущих задеть чувства и достоинство того или иного индивидуума эмоционально нейтральными и/или положительными эвфемизмами» [Беляков, Матвейчев, 2009: 301]. Именно этим определением мы и будем руководствоваться,

поскольку именно в нейтральности и эвфемизации мы видим «слабую сторону» политкорректности, способную свести и эффект на нет и, следовательно, превратить в ложную политкорректность.

США являются безусловным мировым лидером и законодателем в области политкорректности. Сначала это была борьба с расизмом, точнее, борьба со словами, состоящая в избегании расовых тем и общеизвестном переименовании *чернокожих* из *негров* в *афроамериканцев*. Слово *black* в английском языке нейтрально, его можно употреблять в речи. В русском языке употребление слова *черный* к людям с негритянской кожей или выходцам с Кавказа и из Средней Азии оскорбительно. Это прагматическое расхождение может вызвать когнитивный диссонанс на межуровневом языке. В тот же период началась борьба с сексизмом, имеющая конечной целью уравнивание мужчин, женщин и трансвеститов, так их половая идентичность якобы не имеет особого значения, если рассматривать их с точки зрения социальных ролей и статусов. Следом – отказ от терминов *мисс* и *миссис*, *мадам* и *мадемуазель*, так как эти и многие другие термины оказались «неактуальными в связи с однополыми браками, нужно их было как-то заменить не в ущерб каждому. Затем начались выступления против дискриминации пожилых людей» [Ионин, 2012: 8-10]. В целом, можно проследить начало процесса разложения мышления и оболванивания массового носителя языка, то есть манипуляции.

В России феномен политкорректности существует, но он, в отличие от Америки, не перерос в некую идеологию и не достиг абсурда (по крайней мере, на данном этапе). Одни из первых и широко всем известных примеров политкорректности можно увидеть уже в первой половине прошлого столетия: нейтральные, такие как доярка – *оператор машинного доения*, тракторист – *механизатор*, смертная казнь – *высшая мера социальной защиты*, юмористические, такие как извозчик – *водитель кобылы* и другие¹.

¹ Современный юмористический пример: уборщик – *менеджер по клинингу* или *менеджер по влажной уборке* [пример Е.В.]

Сам термин «политическая корректность» для нас сейчас становится всё более популярным, однако зачастую он понимается русскими либо не в полном, ином смысле, либо в понимании этого термина в первую очередь ключевую и, на наш взгляд, неправильную роль играет лексическая единица *политическая*. Примером может послужить ситуация с А.О. Балабановым, режиссером фильма «Война», который в одном из интервью заявил, что для него не существует такого понятия, как политкорректность, так как оно «из лексикона политиков, они его для себя придумали, а он же снимает кино, о политике не думая» [NEWSru.com, 2002].

Уместно будет вспомнить, что в определении С.Г. Тер-Минасовой тоже можно проследить гуманную частичку, где «политическая корректность языка выражается в стремлении найти новые способы языкового выражения взамен тех, которые задевают чувства и достоинство индивидуума, ущемляют его человеческие права привычной языковой бестактностью и/или прямолинейностью в отношении расовой и половой принадлежности, возраста, состояния здоровья, социального статуса, внешнего вида и т.п.» [Тер-Минасова, 2000: 216].

Принимая во внимание упомянутую абсурдность политкорректности, приводящую к иронии и насмешкам можно выделить новое направление развития политкорректности, искажающее оригинал, именуемое ложной политкорректностью.

Иллюстрируя абсурдность политкорректности, можно привести пример из книги С.Г. Тер-Минасовой «Язык и межкультурная коммуникация». Этот пример – «политически корректная» сказка (Приложение А), которая «не нуждается в комментариях, она иллюстрирует тенденцию последовательной политической корректности, доведенной до полнейшего абсурда» [Тер-Минасова, 2000: 218].

Данная сказка отлично иллюстрирует манипулятивный потенциал: как можно ввести в заблуждение, извращая реалии. Существуют и другие сказки, например, «Золушка» или «Джек и бобовое дерево», где *Snow White*,

и *Белоснежна* политически некорректны в обоих языках (и в английском, и в русском), потому что имеют *white* и *бело-* и таким образом внушают расистскую идею, что *белый* – это хорошо, положительно, а *черный* – плохо, отрицательно. Вместо привычного *very poor* (очень бедный) в описании Джека и его матери читаем *very excluded from the normal circles of economic activity* (исключены из сфер обычной экономической активности). В другой сказке вместо *very poor* приводится обычный политически корректный вариант — *very economically disadvantaged* (экономически ущемленный)» [там же].

Публицистика часто выступает в роли сказки, которую кто-то сочиняет, чтобы так же скрыть то, что не нужно, либо нужно, но в другом смысле. Например, фраза *economically disadvantaged* достаточно часто употребляется, ведь именно ей удобно вуалировать, что на самом деле все просто бедные, не имеющие достаточно средств для существования, будь то студенты, либо пенсионеры, либо жители какого-то целого государства.

Следует также помнить, что не всякое определение может быть идеальным. Здесь стоит вспомнить С. Г. Тер-Минасову, которая полагает, что термин «политкорректность» является неудачным из-за лексемы «политическая» (кстати, это слово не случайно присутствует в термине: политкорректность в наши дни – идеология, государственная политика США, которая распространяется и во многих странах Европы), подчеркивающего рациональный выбор по политическим (а значит, неискренним²) мотивам в противоположность искренней заботе о человеческих чувствах, стремлению к тактичности, к языковому проявлению хорошего отношения к людям. Однако, попытка ввести другие термины, такие как «языковой такт» (предложенный самой С.Г. Тер-Минасовой) или «коммуникативная/культурная корректность» (предложенный Т.В. Киселёвой) не имела успеха, поскольку «движение уже достигло

² Потенциальная сема ложной политкорректности всегда присутствовала в семантической структуре самого термина и актуализировалась при научном взгляде на изучаемое явление.

мирового размаха и термин стал привычным, устойчивым и заимствованным другими языками» [Тер-Минасова, 2000: 215].

1.2.1 Эвфемизация как основа политкорректности

Наряду с политической корректностью следует обратить внимание на такое неразрывно связанное с последней явление, как эвфемизация. Эвфемизмы были в речи человека на протяжении долгих времен, вызванными различными языковыми табу, но в какие-то промежутки времени они пользовались большей популярностью, в какие-то – меньшей. Частота пользования эвфемизмами зависела от существовавших в то или иное время моральных устоев. Бурный всплеск развития эвфемизмы претерпели во второй половине прошлого века в странах, где доминировал английский язык. Это не удивительно, как в это же время идеология политической корректности получила широкое распространение и становилась более популярной. Можно смело сказать, что предпосылкой эвфемистического бума стала как раз политкорректность.

Период популяризации политической корректности также известен под другим названием – эпоха «облагораживания словесных значений». Однако сами слова играют не первостепенную роль, так как главное здесь – это отношение, которое вкладывается в них. Имея свойство «облагораживать», смягчать, эвфемия является одним из эффективных средств стирания отрицательных коннотаций, которые связаны с тем или иным понятием, а также с проявлением стереотипных (в основном, негативных) ассоциаций.

Рассмотрим некоторые определения эвфемизма:

- эвфемизм – это «троп, состоящий в непрямом, прикрытом, вежливом, смягчающем обозначении какого-либо предмета или явления» [Ахманова, 2013: 521];

- эвфемизм – это «разновидность перифразы, заключающаяся в замене грубых, непристойных, а также неприятных выражений более вежливыми» [Мороховский, Воробьева, Липошерст, 1991: 170];
- эвфемизмы – это «эмоционально нейтральные слова или выражения, употребляемые вместо синонимичных им слов и выражений, представляющихся говорящему неприличными, грубыми или нетактичными» [БЭС, 2003: 590].

Некоторые зарубежные исследователи политкорректности (Х.А. Раусон, К. Барридж и др.) говорят о том, что политически корректные слова и выражения и эвфемизмы однотипны. Австралийский лингвист К. Барридж по поводу политкорректности и эвфемии сделал вывод, что политкорректность – это «эвфемизм для эвфемизма» [Burridge, 1999; цит. по: Вильданова, 2008: 77].

В то же время некоторые российские исследователи, которые занимаются проблемой политкорректности (Т.В. Киселёва, А.В. Остроух, В.В. Панин, Ю.Л. Туманова, С.Г. Тер-Минасова и др.) также согласны с утверждением своих зарубежных коллег. Как полагает В.И. Заботкина, «использование эвфемизмов – один из возможных путей образования политкорректных терминов» [Заботкина, 1989: 129]. В свою очередь С.Г. Тер-Минасова считает, что политкорректность означает замену политически некорректных слов и выражений «соответствующими нейтральными или положительными эвфемизмами» [Тер-Минасова, 2000: 215].

Теперь стоит разобраться в сходствах и отличиях двух феноменов: эвфемии и политкорректности.

Исследователь О.Ф. Иванова уверяет, что у двух этих явлений есть много общего. Главное сходство заключается в том, что эвфемизмы – «эмоционально нейтральные слова и выражения, которые употребляются вместо других синонимичных слов и выражений, кажушиеся говорящему

неприличными, грубыми или нетактичными» [Арапова, 1990: 441]. Именно это определение мы и берем за основу в нашей работе. Примерами эвфемии могут послужить использование таких выражений, как *уклоняться от истины* или *говорить неправду* вместо *соврать*, *отойти в мир иной* вместо *умереть*. Данное определение уже напоминает нам о политкорректности.

Стоит отметить, что эвфемия влияет на язык, накладывая отпечаток «только на лексическом уровне, в то время как политическая корректность затрагивает и другие уровни: синтаксический, морфологический, словообразовательный» [Киселёва, 1997: 101-102]. Следовательно, эвфемистические конструкции подходят уже под политкорректность. Следующее отличие, по мнению Т.В. Киселёвой, состоит в том, что политическая корректность ориентирована на решение конкретных политических проблем. Она также поясняет, что обычная вежливость исходит из желания установить хорошие отношения с определенным человеком, в то время как «политически корректный» эвфемизм - это эвфемизм, цель которого состоит в избегании оскорбления той или иной группы населения» [Киселёва, 1997: 103].

Также О.Ф. Иванова отмечает, что «политкорректность», скорее всего, является стратегией, а эвфемизация – тактика, такие тактические уловки, которые либо позволяют сохранить, либо, наоборот, разрушить, баланс взаимодействия сообществами, группами или отдельными лицами. И здесь нет ничего удивительного, так как «все изменения в собственно культурной сфере отражаются в языке, а языковые изменения, в свою очередь, активно участвуют в культурных процессах и влияют на них. Язык является главной знаковой реалией культуры, а языковая картина мира отражает мировоззрение носителей языка» [Иванова, 2004: 181].

Эвфемизмы представляют собой одно из множества средств политкорректности на лексическом уровне. Стоит отметить, что нужно быть внимательным при анализе политкорректной речи, так как «не все эвфемизмы могут являться политкорректными терминами, и не вся лексика

политкорректности может быть отнесена к эвфемизмам» [Палажченко, 2004: 146-147].

Также стоит понимать, что эвфемизмы не только используются для «сглаживания» дискриминации или оскорбления. В то же время они могут служить манипулятивным целям для сокрытия отрицательной (негативной) сущности.

1.2.2 Дисфемизация как политкорректность наоборот

Обратной стороной медали одно и того же явления являются дисфемизмы. В своей диссертационной работе Е.И. Шейгал поясняет суть противопоставления эвфемизмов и дисфемизмов метафорически, определяя их как «щит и меч». Эвфемизмы используют в качестве щита против объекта, вызывающего гнев, страх, неприязнь, презрения для сокрытия отрицательного отношения к какому-либо предмету или человеку/группе людей. Использование дисфемизмов заключается «в гиперболизации отрицательного признака или замене положительной оценки на отрицательную для формирования впечатления об объекте как подозрительном или нежелательном, выставление его в таком свете, чтобы вызвать к нему ненависть, неприязнь или отвращение» [Шейгал, 2000: 85].

Мы не рассматриваем классификации эвфемизмов и дисфемизмов, однако существует несколько классификаций, с которыми можно ознакомиться в работах В.В. Панина, А.Н. Мороховского, Е.И. Шейгал и др.

Итак, с точки зрения политкорректности, эвфемизмы понимаются нами как «тропы, состоящие в непрямом, прикрытом, вежливом, смягчающем обозначении какого-либо предмета или явления» [Ахманова, 2013: 521], а дисфемизмы понимаются нами как эвфемизмы, но «в отрицательную сторону».

С точки зрения ЛПК правильнее будет говорить о ложных эвфемизмах и дисфемизмах как средствах её выражения.

1.2.3 Ложные эвфемизация и дисфемизация как приёмы подмены понятий

Между ложной политкорректностью и такими двумя явлениями как эвфемизация и дисфемизация можно проследить тесную связь. Признаками ложной политкорректности, позволяющие её «идентифицировать» в тексте, как раз и являются их ложные аналоги, а ложные они, потому что характеризуются тем, что могут нести в себе манипулятивную составляющую. Таким образом, их можно представить следующим образом:

- ложная эвфемизация (далее – ЛЭ): облагораживание заведомо негативного;
- ложная дисфемизация (далее – ЛД): очернение заведомо положительного;

В обоих случаях идет «наглая» подмена основного понятия, так как ополченцы и террористы – совсем не одно и то же.

Эвфемизация и дисфемизация выступают в стилистических целях, в то время как ложные эвфемизация и дисфемизация помимо снижения/повышения стиля, актуализируют потенциальные семы «добра» и «зла», приводящие к изменениям не коннотативной, а семантической структуры (см. Таблицу 1).

Таблица 1. Пример изменения семантической структуры на паре дисфемизм-ложный дисфемизм.

Дисфемизация	<i>Mentally challenged</i> → <i>Nutcase</i> Умственно-больной → Псих, идиот (разг.) - стили разные, но семантика остается неизменной.
Ложная дисфемизация	<i>Militiamen</i> → <i>rebels</i> → <i>terrorits</i> Ополченцы ³ → мятежники, повстанцы → террористы ⁴

³ Входит в состав войска, собираемого в помощь регулярной армии путем добровольного привлечения широких народных масс [Ефремова, 2000].

⁴ Приверженец политики террора, заключающейся в угрозе физической расправы по политическим или каким-либо иным мотивам. [там же].

	- помимо возрастания негативных сем в области коннотации актуализируются латентные семы, меняющие семантическую структуру. Объясняется это тем, что если поместить слово (фразу) в несвойственный для него (неё) контекст, изменить его (её) функциональную направленность (например, не просто сообщить, а повлиять в корыстных целях), изменится и семантическая структура, чем и пользуются манипуляторы: ополченцы так и будут мятежниками, пока читающий не осознает, что это не так [Смирницкий, 1954].
--	---

1.2.4 Ложная политкорректность как продукт ложных эвфемизации и дисфемизации

Помимо собственно политкорректности можно выделить её антипод – ложную политкорректность; в настоящее время данное явление – сравнительно молодое и недостаточно изученное.

Ранее уже было отмечено, что политкорректность «выражается в стремлении найти новые способы языкового выражения взамен тех, которые задевают чувства и достоинство индивидуума, ущемляют его человеческие права привычной языковой бестактностью и/или прямолинейностью в отношении расовой и половой принадлежности, возраста, состояния здоровья, социального статуса, внешнего вида и т.п.» [Тер-Минасова, 2008: 216].

Мы уже отмечали ранее, что у ПК есть «слабые стороны» – это возможность помимо ее использования в благих целях, применять политкорректные высказывания как искажение и, как следствие, использования в иных, манипулятивных целях. Примером может послужить «эвфемизация ради самой эвфемизации» – факт перифразы того, что переименовывать и облагораживать не нужно, но это делается с недвусмысленными целями. Исходя из данного тезиса, мы считаем, что ЛПК

– это сумма «слабых сторон» политкорректности, видоизмененных, объединённых и поставленных на службу манипулятору.

На наш взгляд, ложная политкорректность – это явление «замены» заведомого негативного, плохого, отрицательного на нейтральное, а в лучшем случае – на положительное; в то же время ЛПК – это явление, успешно комбинирующее в себе признаки не только ложной эвфемизации, но и ложной дисфемизации. Стоит отметить, что данное явление является диаметрально противоположным понятием по отношению к политкорректности, поскольку ставит своей целью «защитить» не незаслуженно уязвимое, а заведомо худшее. Другими словами, ложная политкорректность – это способ сгладить либо замаскировать что-то не названное плохое, а заведомо плохое. Также, мы считаем проявлением ЛПК речевое поведение, намеренно облагораживающее заведомо недостойное, либо очерняющее заведомо недостойного очернения⁵. Например, в одной из статей американской газеты *The New York Times* можно увидеть следующее: «*Col. Andriy Lysenko, a spokesman for the Ukrainian military, said at a briefing in Kiev, the capital, that “terrorists (militiamen) had perpetrated a bloody crime” by attacking the refugee convoy [...]*» [Kramer, 2014].

В данном примере слово *terrorists* заменяет лексическую единицу *militiamen*, очерняя тем самым значение «ополченцы» значением «террористы» и искажая, в корне подменяя понятие, реальную картину происходящего. Очевидно, что ЛПК проявляется в тесной связи не только с языковыми, но и с внеязыковыми факторами.

Несмотря на то, что эвфемизмы, как правило, смягчают всю суть неприличного, грубого и нетактичного, выступая, таким образом, в первичной функции, они также могут служить для сокрытия/смягчения отрицательной (негативной) сущности. Например, в политической сфере эвфемизмы подчинены цели завуалировать или намеренно исказить

⁵ Также к ЛПК мы относим прием очернения заведомо недостойного, отрицательного.

информацию о реальных событиях или фактах, обмануть общественное мнение и выразить что-либо заведомо неприятное деликатным способом. Такие слова как *involvement* (вовлечение) вместо *invasion* (вторжение), *conflict* (конфликт) вместо *war* (война), *pre-emptive* (приоритетный) вместо *aggressive* (агрессивный) являются эвфемизмами в английском языке для прикрытия истинного характера военного вторжения в дела других государств, на деле же перед нами – явление ложной политкорректности. Из выше сказанного вытекает прямое сходство ЛПК и ЛЭ.

Сходство ЛПК и ЛД состоит в том, что и первое и второе представляют неугодные для заказчика языковой манипуляции явления заведомо в более отрицательном свете, чем есть на самом деле, таким образом, «открывая глаза на зло». Например, в британской газете *The Guardian* в одной из статей слово *rebels* снова заменяет *militiamen*, представляя ополченцев мятежниками:

«*Pro-Russia rebels (militiamen) shot down a Ukrainian military helicopter in Slavyansk with portable surface-to-air missiles on Thursday, killing 14 people [...]*» [Luhn, 2014].

В данном случае, орудием выставления всего в более негативном свете является манипулятивный потенциал выделенной лексической единицы, так необходимой журналисту, а может быть, всему государству и тем, кто стоит за государством, в данном случае – США, за счет подмены понятий для достижения политических целей. В дополнение к вышесказанному, отрывок комбинирует «прием черной пропаганды – отнесение России к военным агрессорам, и актуализация семы крайней степени стереотипизации всего российского как глубоко враждебного Украине» [Дьяконов, 1990: 15; цит. по: Бизюков, 2016: 143], что тоже является признаком манипуляции.

Также нам хотелось бы обратить внимание на то, что явление ЛПК, на наш взгляд, связано с иронией. Один из словарей иностранных слов дает иронии следующие определения:

- 1) «тонкая насмешка, выраженная в скрытой форме;

- 2) употребление слова или целого выражения в противоположном смысле с целью высмеивания» [Комлев, 2006: 589].

В нашем случае, второе определение лучше всего подходит к характеристике ложной политкорректности, так как иронический оттенок слова или фразы не сглаживает неприятное значение, а, напротив, интенсифицирует их, что приводит к ЛПК. Данное предположение проверится в практической части работы.

С точки зрения прагматики коммуникации [...] ироническое высказывание нарушает основные прагматические принципы и постулаты; с точки зрения адресата высказывания «ирония создает трудности для интерпретации интенции говорящего» [Шилихина, 2008: 186]. В дополнение к этому, в газетных и журнальных публикациях единственным «инструментом» создания отношений между автором, читателем и темой публикации является язык. Здесь стоит отметить, что публикации СМИ изначально обладают определённым «уровнем авторитетности в обществе: печатному слову принято доверять. СМИ обладают правом на использование определённых дискурсивных практик, в том числе и на иронию» [Шилихина, 2008: 187]. Следовательно, можно предположить, что одним из составляющих концепта ложной политкорректности может служить ирония, хотя и не в чистом ее проявлении. Здесь важно заметить, что ложные политкорректные высказывания не всегда поддаются четкому анализу. Зачастую, нужно просто суметь увидеть, почувствовать иронию, анализируя её не как «языковое явление, существующее независимо от носителей языка, а как явление дискурсивное, которое каждый раз возникает заново [...] между говорящим, интерпретатором и внешним миром» [Шилихина, 2008: 187] с учётом разных наборов фоновых знаний коммуникантов.

В итоге, не остается сомнений в том, что эвфемизмы и дисфемизмы являются инструментами манипуляции (в том числе в публицистическом дискурсе), превращаясь, таким образом, в ЛЭ и ЛД. В итоге ложные

политкорректные высказывания также могут являться такими же искусными орудиями манипуляции общественным мнением.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

В данной главе были рассмотрены разные подходы к определениям таких терминов, как манипуляция, публицистический дискурс, политкорректность, эвфемизмы, дисфемизмы, а также предложены такие термины как ложная дисфемизация, ложная эвфемизация и ложная политкорректность.

1) политкорректность – это «культурноповеденческая и языковая тенденция, нацеленная на замену устоявшихся терминов, могущих задеть чувства и достоинство того или иного индивидуума [...] [Беляков, Матвейчев, 2009: 301], средствами которой являются эвфемизмы;

2) эвфемизация и дисфемизация имеют слабые стороны, которые заключаются, в первом случае, в потенциальной способности сглаживания заведомого плохого, негативного; во втором – в латентной возможности очернения заведомо хорошего. Данное обстоятельство способствует трансформации эвфемизации и дисфемизации в ложные эвфемизацию и в ложную дисфемизацию, так как они, помимо снижения/повышения стиля, актуализируют потенциальные манипулятивные семы «добра» и «зла», приводящие к изменениям не коннотативной, а семантической структуры лексической единицы (или словосочетания), благодаря чему ЛЭ и ЛД можно широко использовать в манипулятивных целях;

3) учитывая связь эвфемизмов и дисфемизмов с их ложными аналогами, можно говорить о речевом поведении, намеренно искажающего действительность, направленного на подмену понятий с помощью использования ЛЭ и ЛД. Благодаря подмене понятий высказывания приобретают другой смысл, и тогда имеет место новый феномен ложной политкорректности – явления, успешно комбинирующего в себе признаки ложных эвфемизации и дисфемизации. Данное явление направлено на подмену понятий, облагораживающих заведомо недостойное, либо

очерняющих заведомо недостойного очернения и, таким образом, «политкорректно» «открывающее глаза» на «зло»;

4) публицистический дискурс является отличной почвой для «рассады» ложных политкорректных высказываний, объединяющих в себе три, как кажется на первый взгляд, отдельных, но связанных между собой инструментов манипуляции: политкорректность, ложная эвфемизации, ложная дисфемизацию, позволяющих в силу своих информационного и манипулятивного потенциалов, эффективно влиять на огромное количество людей.

ГЛАВА 2. МАНИПУЛЯТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛОЖНОЙ ПОЛИТКОРРЕКТНОСТИ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Ложная политкорректность – явление молодое, малоизученное, подразумевающее под собой тот факт, что им пользуются в манипулятивных целях для «облачения» отрицательной информации в положительную и наоборот. Если изменить желаемым образом полностью не удастся, то высказывание становится более нейтральным, «лояльным к реальности» из положительной или негативной действительности.

Признаками ЛПК мы склонны считать такие инструменты манипуляции как прием подмены понятий с помощью ложной эвфемизации и ложной дисфемизации.

Главной трудностью для анализа предполагаемых языковых единиц ЛПК является «скрытность» манипуляции, а так же «наличие мастерства и ловкости» [Кара-Мурза, 2015: 135] манипулятора, так как «действительный смысл слов и дел авторов и «ответственных исполнителей» важных акций по манипуляции общественным сознанием всегда тщательно скрыт, и требуется специальная подготовка по его выявлению» [Кара-Мурза, 2015: 169].

Следует отметить, что успех анализа ПД на наличие ЛПК (с целью дальнейшей её нейтрализации) определяется совокупностью знаний, умений, лингвистических и экстралингвистических факторов, а также уровня интеллекта читателя, его образования и рода профессиональных занятий. На наш взгляд, едва ли возможно из вышеперечисленных факторов выделить ключевой; они представляют собой как бы цепь, разрушение любого из звеньев которой приведет к провалу успеха анализа ПД и риску попасть под влияние манипулятора.

2.1 Ложная эвфемизация как разновидность ЛПК

Ложная эвфемизация – основной манипулятивный инструмент ложной политкорректности. Смысл ложной эвфемизации заключается в облагораживании заведомо плохого. Лексема «эвфемизация» выбрана здесь для того, чтобы показать результат преобразования негативной информации в положительную сторону, вуалирование данного негатива. Положительной стороной считается и то, когда отрицательное переходит в нейтральное, ведь слово из «области минуса» всё-таки сдвигается в сторону «области плюса», что уже говорит об «эвфемизации» понятия.

В одной из главных газет Нью-Йорка, *The New York Times*, в одной из статей можно встретить подходящий пример ЛПК:

«...*Nearly everyone agreed that the fallout from the Charlie Hebdo attacks, [...], was a distraction from a larger problem: a sense of increasing **social and economic marginalization** (poverty) [...]*» [Ellick, Alderman, 2015].

Ложным политкорректным словосочетанием *social and economic marginalization* заменяется реальная идея: повышающийся в стране уровень бедности, который способствует привлечению молодых людей к экстремизму. «Неудобное» понятие *poverty* заменено на *social and economic marginalization* с целью смягчить ситуацию, которая явно не красит Францию.

Наиболее полным определением в английском языке для термина *marginalization*, которое дается в *Business Dictionary*, является следующее: *the process whereby something or someone is pushed to the edge of a group and accorded lesser importance. This is predominantly a social phenomenon by which a minority or sub-group is excluded, and their needs or desires ignored* [Business Dictionary, 2016]; а для *poverty* – «*condition where people's basic needs for food, clothing, and shelter are not being met*» [там же].

Merriam-Webster Dictionary дает термину *marginalization* упрощенное перефразированное определение: *relegating* «*to an unimportant position within*

a society or group» [Merriam-Webster, 2016]; для *poverty* – «*the state of one who lacks a usual or socially acceptable amount of money or material possessions*» [там же].

Смысл обоих терминов почти схож, но разница заключается в степени крайности: у *marginalization* – это еще *pushing to the edge*, то есть состояние «пограничности» и «промежуточности» положения человека, в то время как *poverty* – самое крайнее положение человека в обществе. Логично предположить, что, в данном случае, манипулятору выгоднее будет использовать нейтральный термин, ведь он не может быть категоричным, а должен быть объективным, принимая нейтральную сторону; в тоже время, он не может открыто писать о реальном положении дел, так как, в случае чего, он может быть наказан за то, что уже «не вырубить топором».

Также следует учесть тот факт, что последние годы Франция испытывает увеличение количества мигрантов, среди которых около примерно 25% беженцев из Сирии (на 2015 год), которые именно бедствуют, несмотря на пособия. Бедность мигрантов поддерживается благодаря безработице, поскольку французы попросту не хотят нанимать их на работу. Причины разные: страх на фоне террористических атак, некомпетентность прибывших в языке, профессии, и так далее.

Именно безработица и бедность способствуют вербовке людей за счет их настроений, сформированных за счет отсутствия необходимых условий для жизни.

Следовательно, *social and economic marginalization* является ложным политкорректным высказыванием, которое скрывает нежелательную, усложняющую положение дел информацию с помощью ложной эвфемизации, так как упор делается не на коннотацию, а на подмену понятий. Данное высказывание представляет реальность в нейтральном свете во избежание в дальнейшем возникновения конфликтных ситуаций, преимущественно, на фоне роста бедности.

Следующий пример, найденный в известнейшем британском издании *The Daily Mail*, содержит ту же идею, что и предыдущий: бедность уйгуров, вынудившая их вступить в ряды экстремистов:

*«The government says some of them are fleeing the country to join the Jihad, although critics say the Uighurs are discriminated and **economically marginalized** (poor) on their homeland and that they are seeking to escape from the repressive rule by the majority Han Chinese»* [Associated Press, 2014].

Без сомнения, фраза *economically marginalized* является ЛПК, поскольку, также как и в вышеприведенном примере, скрывает реальную картину происходящего на территории Китая. В дополнение следует учесть тот факт, что в Китае существует усиленная цензура национальных СМИ, что и будет приводить к неточностям и искажениям в англоязычных и не только изданиях.

Следующий пример также иллюстрирует ложное политкорректное высказывание *economically marginalized*, но уже в слегка измененном виде:

*«The appetite to construct alternatives to racial preferences in these states meant that even conservative governors, like George W. Bush in Texas and Jeb Bush in Florida, signed legislation to substantially boost financial aid and give a preference in admissions to **economically disadvantaged** (poor) students»* [Kahlenberg, 2013].

Манипулятивный потенциал ложных политкорректных высказываний *economically disadvantaged*, *economically marginalized*, *social and economic marginalization* заключается в сокрытии отрицательной объективной реальности с помощью подмены понятий и «вбивания» людям в голову того, что, «на самом деле», всё не так уж и плохо, если и не совсем хорошо.

В нижепредставленном фрагменте, напротив, выделенное словосочетание не является ЛПК, так как речь идет не о подмене понятий, а о смягчении резкого высказывания о внешности конкретной личности:

*«James Allen was told he was an 'old, **aesthetically challenged** (ugly) guy with no teeth' [...]»* [Linning, 2015].

Здесь имеет место быть не ЛПК, а ПК, выраженная с помощью фразы *aesthetically challenged*, которая вуалирует отрицательную коннотацию слова *ugly* более положительной коннотацией, не смотря на то, что в данном примере хорошо прослеживается ирония. Каждому читателю понятно, при прочтении этой фразы, что имеется в виду, и, конечно, это вызывает усмешку, ведь звучит это абсурдно. Данный пример – *aesthetically challenged* – непрост, так как тоже включает в себе манипулятивный потенциал как попытку изменить представление о человеке, направляя мышление читателя в более положительное русло. Однако, так как в этой лексической единице присутствует ирония, она позволяет сразу же «раскусить» все манипулятивное намерение автора, заключающееся в простой замене одного понятия другим, эвфемистическим, чтобы не обидеть человека напрямую, смягчив информацию о нём. Как уже говорилось ранее, раз подмены понятий нет, то этот пример иллюстрирует именно ПК, а не её ложный аналог.

Также, примером ПК может послужить отрывок из статьи журнала *The Golf Magazine*:

*«Judging by some of the commercials aired during golf telecasts, you'd think that every golf fan is an **erectionally challenged** (impotent) male in his late 50s looking for a retirement community in Florida, [...]» [Feherty, 2014].*

Также как и в примере выше, во фразе *erectionally challenged* хорошо чувствуется ирония, которая вызывает усмешку в силу «понятливости» и наигранной «деликатности» данной ситуации. Более того, нет сомнения в том, что в данном примере также идет изменение реальной оценки возможностей мужчин определенной возрастной группы в положительную сторону, но только с целью простого вежливого смягчения отрицательной коннотации существительного *impotent*, а не с целью изменить его смысл.

Напротив, нижеследующий отрывок ПД, принадлежащий газете *The Newsday*, относится к ЛПК:

«*Sabrina Andrade, 28, was charged under Leandra's Law with felony aggravated driving while **intoxicated** (drunk) with a child passenger 15 or younger [...]*» [Irizarry, 2016].

Этот пример демонстрирует нам, как эстетично можно замаскировать очевидную информацию, чтобы скрыть «неподходящую» ее часть. *Intoxicated*, в данном случае, – достаточно интересный пример с точки зрения ложной политкорректности.

В *Business Dictionary* существительное *intoxication* имеет два значения: основное и медицинское. В первом случае, *intoxication* – это «*condition of diminished mental and physical ability, hyperexcitability, or stupefaction induced by intake of alcohol or other narcotic substance*» [Business Dictionary, 2016], в другом – «*state of being poisoned, or exhibiting symptoms of poisoning*» [там же].

Merriam-Webster Dictionary тоже даёт два значения данному термину: «*an abnormal state that is essentially a poisoning*» [Merriam-Webster, 2016] и «*the condition of being drunk*» [там же].

В нашем случае, интересно определение с медицинской точки зрения – «*state of being poisoned, or exhibiting symptoms of poisoning*» [Business Dictionary, 2016]. В соответствии с этим определением не ясно, в каком конкретно состоянии был водитель автомобиля, так как токсичных веществ (ядов), способных вызвать интоксикацию, много: пищевые добавки, сельскохозяйственные химикаты, алкогольная и табачная продукция, наркотические вещества (марихуана, героин, гашиш и другие) и так далее.

На наш взгляд, манипулятор вполне мог руководствоваться именно этим абстрактным определением термина (либо похожим), ведь он вправе сослаться на авторитетное издание, в данном случае словарь, и выбрать то определение, которое ему подходит. Следовательно, мы тоже фокусируемся на таком определении и делаем заключение, что употребление лексической единицы *intoxication* в данном отрывке ПД действительно является ложной политкорректностью. Основная причина употребления данного термина как

ЛПК – завуалировать негативный смысл одного понятия (вождение в пьяном виде) на нейтральный смысл другого понятия (вождение в состоянии интоксикации) во избежание еще большего негативного отношения читателя к Сабрине и ситуации в целом, так как «прямота» речи может их сподвигнуть, например, на преследование этой женщины, делая ее жизнь еще большим адом, требуя от суда более жесткого наказания путем увеличения срока заключения или лишения её родительских прав.

Следующий фрагмент ПД, взятый из статьи газеты *The SANC* (*The South African News Corporation*), также является примером ПК из-за отсутствия подмены понятий, хотя и скрывает реальную негативную сущность проблемы:

«An intellectually impaired (stupid) boy from the rural town of Cala, Eastern Cape, has defied the odds to shine on the international stage» [Jons, 2014].

Словосочетание *intellectually impaired* является политкорректностью, смягчая отрицательное на нейтральное, что в данном случае, однозначно оправдано; оно защищает мальчика гуманным способом, чтобы не было повышенного неправильного внимания к нему, не отменяя реальность, которая заключается здесь в том, что мальчик – глупый, отсталый, недоразвитый, называя вещи своими жестокими именами – тупой, дурак.

Статья одной из британских газет *The Telegraph* описывает названия различного рода деятельность, позиционируя их как жаргоны, которые являют собой богатый материал, иллюстрирующий как ПК с долей юмора, так и ЛПК с подменой понятий:

«Top 20 jargon-filled job titles:

- 1. Beverage Dissemination Officer (сотрудник по распространению напитков) – Barman (бармен)*
- 2. Colour Distribution Technician (специалист распределения цвета) – Painter & Decorator (художник-декоратор)*
- 3. Customer Experience Enhancement Consultant (консультант улучшения качества обслуживания клиентов) – Shop Assistant (продавец)*

4. *Domestic Technician* (домашний техник) – *Housewife* (домохозяйка)
5. *Education Centre Nourishment Consultant* (консультант по питанию) – *Dinner Lady* (повар и официант в одном лице (обычно, в школьных кафетериях))
6. *Highway Environmental Hygienist* (специалист по гигиене дороги) – *Road Sweeper* (дорожный уборщик, коммунальщик, специалист дорожного хозяйства)
7. *Field Nourishment Consultant* (консультант по питанию) – *Waitress* (официантка)
- [...]
15. *Petroleum Transfer Engineer* (инженер по заправке) – *Petrol Station Assistant* (заправщик)
16. *Recycling Operative* (сотрудник по переработке) – *Bin Man* (мусорщик)
17. *Sanitation Consultant* (консультант по санитарии) – *Toilet Cleaner* (уборщик)
- [...]» [Wardrop, 2009].

Стоит учесть, что определения новых названий практически невозможно найти, их можно только скомпоновать, учитывая все лексические единицы в словосочетании. Например, определение для *Beverage Dissemination Officer* должно состоять с учетом трех существительных. Формировать определения мы не станем – эта задача выходит за рамки нашего исследования. В данном случае, мы перевели их на русский язык для эффективного их представления в сравнении с «устаревшими» названиями профессий.

На всех примерах мы заострять внимание не будем, возьмем только некоторые из них, наиболее, на наш взгляд, заслуживающие внимания. Например, *domestic technician* и *housewife*.

Merriam-Webster Dictionary трактует *technician* как «one who has acquired the technique of an art or other area of specialization» [Merriam-

Webster, 2016], a *housewife* – как «*a married woman in charge of a household*» [там же].

Сразу можно прокомментировать дефиниции следующим образом: как только *household* станет *area of specialization*, тогда и *housewife* сразу же станет (*specialized*) *technician*, а уже спустя какой-то период времени – (*specialized*) *domestic technician*.

А пока, в настоящий период времени, *domestic technician* – явление ложной политкорректности, заключающееся в подмене понятий с помощью ложной эвфемизации.

Та же ситуация и с *customer experience enhancement consultant* и *shop assistant*.

Merriam-Webster Dictionary определяет *consultant* как «*a person who gives professional advice or services to companies for a fee*» [Merriam-Webster 2016], а *Business Dictionary* – как «*experienced professional who provides expert knowledge for a fee*» [Business Dictionary, 2016]. Существительное *assistant*, по определению *Merriam-Webster Dictionary*, – это «*a person who helps someone*» [Merriam-Webster, 2016] и «*a person whose job is to help the customers in a store*» [там же].

Очевидно, что *shop assistant* может быть практически любой человек, а стать *assistant* и того легче: главное, по определению, - это помогать. Но, однозначно, *shop assistant* не станет даже просто *consultant*, так как это требует, по определению, опыта, профессионализма, экспертных знаний, должного образования.

Снова можно успешно заключить, что и *customer experience enhancement consultant* – тоже явление ложной политкорректности, заключающееся в подмене понятий с помощью ложной эвфемизации.

Еще один абсурдный пример ЛПК – *highway environmental hygienist* и *road szeeper*.

Дефиниция *hygienist*, по *Collins English Dictionary*, - «*a person skilled in the practice of hygiene*» [Collins English Dictionary, 2016], где *hygiene* – это

«conditions and practices that serve to promote or preserve health» [American Heritage Dictionary, 2016], a szeeper – это «a person or machine that sweeps something», где глагол to sweep означает «to clean with or as if with a broom or brush» [Merriam-Webster, 2016].

Из данных определений хорошо видно, что *hygienist* и *szeeper* ничего общего не имеют и иметь не будут, если только не поменяется определение у *hygiene*, например, на *practices that serve to promote or preserve any types of conditions from different defects*. Тогда под это определение можно будет подписать не только дорожных уборщиков

Данный пример, *highway environmental hygienist*, как и предыдущие, тоже является ложной политкорректностью, заключающейся в подмене понятий с помощью ложной эвфемизации.

Все эти новые названия, исходя из заголовка статьи, являются жаргонами. И.Р. Гальперин определяет *жаргон* как группу слов, целью которых является сохранение секретности той или иной социальной группы [Гальперин, 2010; цит. по: Киселева, 2015: 59]. Таким образом, становится ясно, что жаргонизмы – специальные лексические единицы, понятные только определенной группе людей, объединенных общей деятельностью. Этим можно объяснить, почему нам могут быть не понятны новые названия родов деятельности, так как создавались, видимо, они не для нас, а для «своих».

Жаргонизмы так же могут быть примером ЛПК, а значит, их манипулятивный потенциал будет заключаться в первую очередь, в подмене понятий, а также, не в менее важных поднятии престижа, моды и «крутизны» данных родов деятельности, на что и указывается в самой статье: «*The bizarre new titles replace "dinner ladies" and "call centre workers" to make jobs sound more appealing to potential staff*» [Wardrop, 2009]. В конечном итоге, всё это будет влиять на разложение мышления людей для более простого манипулирования ими.

2.2 Ложная дисфемизация как разновидность ЛПК

Ложная дисфемизация также является эффективным манипулятивным инструментом ложной политкорректности наравне с ложной эвфемизацией. Смысл ложной дисфемизации заключается в очернении заведомо хорошего, того, что неудобно манипулятору. Лексема «дисфемизация» в составе термина выбрана по аналогии с выбором лексемы «эвфемизация» в термине *ложная дисфемизация* здесь для того, чтобы показать результат преобразования положительной и/или нейтральной информации в негативную сторону, вуалирование положительного.

Немалое количество подходящих примеров ЛПК можно найти в статьях англоязычных изданий, касающихся искажения реальности вокруг Украины и России из-за недавнего украинского кризиса, например, в газете *The New York Times*:

- «*Bowing to the reality of the Russian **military occupation** of Crimea a day after Russia announced it was **annexing** the disputed peninsula* [Herszenhorn, Kramer, 2014];
- «*While the provisional government in Kiev has insisted that **Russia's annexation** of Crimea is illegal and has appealed to international supporters for help*» [там же];
- «*[...] the Kremlin-backed weekend referendum in Crimea that created the basis for **Russia's annexation**, but he has said nothing about whether he considers the Russian step to be illegal*» [там же];
- «*At the same time, the West should not lose a sense of outrage over **Russia's illegal armed seizure** of the Crimean peninsula*» [Taylor, Pifer, Herbst, 2014];
- «*Days after a hastily organized and flawed referendum produced dubious results, Russia **formally annexed** Crimea*» [там же];

- «*Meanwhile, Europe is no doubt feeling good about itself for delivering a karmic blow to President Vladimir V. Putin of Russia, whose **annexation** of Crimea [...]*» [Paschyn, 2016].

По факту, полуостров Крым с марта 2014 года после проведения референдума о статусе Крыма, принадлежит Российской Федерации. Но из-за несогласия мирового сообщества с референдумом, англоязычные СМИ, особенно американские, выставляют вхождение Крыма в состав РФ по официальным результатам референдума как *annexation* аннексию, *military occupation* военную оккупацию, *illegal armed seizure* незаконный вооруженный захват. Следует разобраться со значениями данных «синонимов».

Annexation – «*a formal act whereby a state proclaims its sovereignty over territory hitherto outside its domain. Unlike cession, whereby territory is given or sold through treaty, annexation is a unilateral act made effective by actual possession and legitimized by general recognition*» [Encyclopædia Britannica, 2016].

«*Military occupation occurs when a belligerent state invades the territory of another state with the intention of holding the territory at least temporarily*» [Legal Dictionary, 2016].

Seizure – «*the act of taking control of especially by force or violence*» [Merriam-Webster, 2016].

Анализируя термин *annexation*, видим, что в случае с Крымом, есть явные нестыковки реальности и толкования термина. *Unilateral act*, как одна из характеристик аннексии, здесь не подходит, так как присоединение Крыма не было осуществлено в одностороннем порядке со стороны России; официальный документ о присоединении Крыма подписали обе стороны.

Расхождение в толковании и реальности имеет место быть и в случае с термином *military occupation*. Россия, по факту, не была воюющим государством (*belligerent state*), которое даже временно могло бы захватить территорию Украины.

И, наконец, *seizure* тоже неудачное определение для присоединения Крыма, так как никакого военного либо насильственного захвата и не было.

В связи с тем, что есть такие значительные расхождения между реальной картиной и толкованием английских терминов, становится интересно, есть ли такие расхождения между реальностью и толкованием этих же терминов в русском языке. Для этого обратимся к словарным статьям для анализа определений с точки зрения русской лексикологии.

Аннексия – «насильственное присоединение, захват всей или части территории, принадлежащей другому государству или народу, а также насильственное удержание какого-либо народа в границах чужого государства» [Ефремова, 2000];

Военная оккупация – «временное занятие вооруженными силами территории противника», при котором оккупируемая территория не может быть включена в состав оккупирующего государства [Бирюков, 2011: 431];

Вооруженный захват – (от глагола *захватывать*) овладение чем-либо во время боевых действий [Ефремова, 2000].

Следует признать тот факт, что и с точки зрения русского языка имеются большие расхождения между толкованием и реальностью. Во-первых, из определения *аннексии* мы понимаем, что Крым не присоединялся насильственным способом, и его жители не удерживаются на его территории - они имеют полное право беспрепятственно выезжать с полуострова. Во-вторых, из определения *военной оккупации* мы видим еще одно несовпадение в использовании термины по отношению к реальной ситуации: ВС РФ не занимали территорию Украины (Украина, кстати, нам и не была противником). В-третьих, определение *вооруженного захвата* тоже не соответствует действительности, так как боевые действия между РФ и Украиной и не велись вовсе.

Так же следует обратить внимание на прилагательное *illegal*, которое тоже довольно часто употребляется с вышепроанализированными терминами, усиливая тем самым более негативное восприятие информации и

изменяя отношение как к политике Российской Федерации, так и к государству в целом.

Отсюда следует вывод, все эти термины являются наглядным примером ложной политкорректности, так как подмена понятий и ложная дисфемизация очевидны; в результате, очерняется имидж России, страна выставляется агрессивной, воинственно-настроенной, чья политика направлена на завоевание новых территорий и на подрыв мира во всём мире. Манипуляторы хладнокровно меняют общественное сознание, навязывая свое видение мира, уверенно добиваясь нужных целей.

Далее, отрывок из статьи *The New York Times* содержит следующее ложное политкорректное высказывание:

*«Moscow denies the accusations, saying it has no influence over **rebels** (militiamen), who insist they are only protecting the interests of eastern Ukraine's Russian-speaking population»* [Herszenhorn, 2014]

Обращаясь к дефинициям терминов *rebel* и *militiaman*, видим следующее: *rebel*, по определению *Merriam-Webster Dictionary*, трактуется как *«a person who opposes or fights against a government»* [Merriam-Webster, 2016], а также как *«one who rebels or participates in a rebellion»* [там же], где *rebellion* – это *«an effort by many people to change the government or leader of a country by the use of protest or violence»* [там же].

Militiaman, в свою очередь, трактуется в том же словаре как *«a member of a militia* [Merriam-Webster, 2016]», где *militia* – это *«a body of citizens organized for military service»* [там же].

То, что происходило в то время (во время написания статьи) в Украине, как раз и было именно *militia*, когда люди, не желая подчиняться новой власти, взяли за оружие и стали отстаивать свои интересы, создавая ЛНР и ДНР. Вооруженность, как характеристика ополчения, и говорит о корректности использования данного термина.

Очевидно, что США, а вслед за ними и Европа, пытаются сделать виноватой в украинском кризисе Россию. Раз США навязывают свою

политику в отношении Украины и России, казалось бы, самостоятельной Европе, значит, логично предположить, что то же самое у них происходит и в публицистическом дискурсе: газеты и журналы следуют ТОЙ ЖЕ самой государственной политике США.

В данном примере ложное политкорректное высказывание *rebels* заменяет существительное *militiamen*, представляя всю ситуацию в более отрицательном свете, искажая ситуацию в пользу США. Манипулятивный потенциал данных примеров настолько очевиден, что не требует каких-либо пространственных комментариев.

Аналогичные подмены этого же самого понятия (*militiaman*) наблюдаются и в других статьях разных изданий:

- «[...] on Friday as a convoy of more than 130 aid trucks crossed onto its soil without consent and made its way towards a **rebel**-held (*militiaman-held*) city» [Parfitt, 2014];
- «Fighting breaks out for first time inside flashpoint town in east Ukraine, say officials, with **rebels** (*militiaman*) claiming victory in harsh blow to a fragile ceasefire» [AFP, 2015];
- «The Donetsk News Agency, a **rebel** (*militiaman*) mouthpiece, quoted the **rebel's** (*militiaman*) so-called defense ministry as saying on Tuesday that their forces have pushed government troops out of Debaltseve and are now controlling a large part of it» [там же];
- «"Battles are going on right now with **rebels** (*militiamen*) storming our positions," a Ukraine military spokesman in Kiev, Alexander Motuzyanik, confirmed to AFP» [там же];
- «The **rebels** (*militiamen*) claim that they entirely surround Debaltseve and so it should be considered part of their territory and therefore not covered by the ceasefire» [там же];
- «In Donetsk, which had come under heavy shelling in recent weeks as both the **rebels** (*militiamen*) and the government forces fired into residential

areas, the **rebels** (militiamen) see the agreement as a victory, "freezing" the conflict and forcing the Ukrainian government to negotiate with the **rebel** (militiaman) leaders [...]» [Walker, 2014].

Разнообразием среди однотипной ЛПК *rebel* можно выделить встретившиеся нам высказывания *sepatist rebels* и *separatist fighters*, также подменяющие понятие *militiamen*:

- «Kiev said it was in the 'final stages' of recapturing the eastern city of Donetsk - the main base of the **separatist rebels** (militiamen) - in a battle that could mark a turning point in the conflict» [Parfitt, 2014];
- «**Separatist rebels** (militiamen) on Monday attacked a caravan of cars carrying refugees trying to flee war-ravaged eastern Ukraine, killing "dozens" of people in a devastating barrage of artillery fire, Ukrainian military officials said, though rebel leaders denied there had been any attack at all» [Kramer, 2014];
- «Their deaths drew a sharp condemnation from the Russian foreign minister, Sergey V. Lavrov, who blamed the government in Kiev for its continuing military operation aimed at cracking down on **separatist rebels** (militiamen)» [Herszenhorn, 2014];
- «[...] after **separatist fighters** (militiamen) allegedly backed by Russian support took the town of Novoazovsk, further along the coast and near the border with Russia, a fortnight ago» [Walker, 2015].

American Heritage Dictionary определяет *separatist* как «one who secedes or advocates separation from a group, as from a nation or an established church» [American Heritage Dictionary, 2016] и как «one who advocates cultural, ethnic, or racial separation» [там же].

Данная лексема вводит большую путаницу в понимание ситуации, на что и делают ставки манипуляторы. Однако стоит понимать, что тех украинцев, которые сейчас живут в ЛНР и ДНР, просто вынудили «обособиться», так как они выбрали защиту, «отстаивание» своих прав и

интересов, но у них не было идеи отказаться от общей с украинцами культуры, отделиться от своей Родины, Украины, и от всей украинской нации в целом. Это подтверждалось многочисленными публикациями в российских СМИ, в телерепортажах, в которых простые люди были готовы к конструктивному диалогу, к возвращению «домой». Но Украина, как нам известно, выбрала не своих же граждан, а Европу и США.

Поэтому, следует заключить, что *separatist* в составе примеров вышеперечисленных словосочетаний является ЛПК и усиливает манипулятивный потенциал, подменяя понятие *militiamen* в сочетаниях с лексемами *rebels* и *fighters*.

Следующее высказывание, найденное нами в статьях *The Daily Mail* и *The Telegraph* также является подходящим примером ЛПК:

- «*President Vladimir Putin is sending an aid convoy to eastern Ukraine in spite of a warning from the West not to use it as a pretext for **invasion** (entry)*» [Donnelley, 2014].
- «*EU leaders warned Russia's **invasion** (entry) of east Ukraine was at a "point of no return", risking a "state of war" with Europe and instructed officials to prepare new sanctions to hit the Russian economy*» [Waterfield, 2014].

Определяя *invasion* как «*an act of invading; especially: incursion of an army for conquest or plunder*» [Merriam-Webster, 2016], *Merriam-Webster Dictionary* снова позволяет нам разоблачить манипулятивный потенциал данного термина и охарактеризовать его как ЛПК, выраженную ложной дисфемизацией и, опять же, подменой понятий. Фактически, не было никакого военного вторжения, оно даже и не подразумевалось.

С точки зрения не только Москвы, но и элементарной логики гуманитарная помощь не является ни предлогом для вторжения (*invasion*), ни самим вторжением. Это обычный гуманный шаг, направленный на то, чтобы помочь нуждающимся людям едой, питьём, лекарствами, одеждой, бытовой

химией. Однако, Америка с фанатичной настойчивостью доказывает обратное, в каждом действии Москвы намеренно находя какой-то скрытый, заведомо негативный смысл. Так как Россия для Америки – лакомый кусок территории и ресурсов ввиду чего выставляется врагом, то США делает всё, чтобы склонить на свою сторону большее количество народов и государств, вкладывая как можно больше манипуляции в одно слово. Человек, не вникающий в происходящее, прочитав данную статью, будет полностью уверен, что Россия действительно захватывает мир. Благодаря манипуляции и ЛПК человек рискует попасть в заблуждение, и тогда авторы манипуляции окажутся в выигрыше.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

Проведенный анализ ложных политкорректных высказываний позволил сделать следующие выводы:

1) ложная политкорректность действительно имеет манипулятивный потенциал, заключающийся в намеренном искажении реальных фактов, за счет ее основных инструментов: ложной эвфемизации (облагораживание заведомо плохого, отрицательного) и ложной дисфемизации (очернение заведомо хорошего, положительного);

2) манипулятивный потенциал ложных политкорректных высказываний неразрывно связан с подменой понятий, так как именно подмена понятий актуализирует латентные семы, меняющие семантическую структуру слов и словосочетаний, что приводит к неверному восприятию прочитываемой информации;

3) для выявления ЛПК следует владеть ситуацией, имея хороший багаж экстралингвистических знаний, что позволяет более объективно смотреть на определенные высказывания, понимать и разоблачать потенциальную ложную политкорректность;

4) ложная политкорректность имеет тонкую грань с политкорректностью, также как и ложная эвфемизация и дисфемизация. Высказывания, имеющие манипулятивную составляющую, должны анализироваться внимательно, обязательно с учетом фоновых знаний.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В теоретической части работы были рассмотрены различные понятия, среди которых фигурирует и манипуляция, которая обобщенно определяется как способ господства, психическое воздействие на людей через программирование их поведения, производимое тайно, незаметно в ущерб тем лицам, на которых оно направлено. Также стоит осознавать, что манипуляция – это технология, требующая особых знаний и мастерства, а значит, есть и «мастера», профессионалы, отлично ею владеющие.

Феномен манипуляции напрямую связан с публицистическим дискурсом, который можно трактовать как сложное коммуникативное явление, включающее, помимо текста, экстралингвистические факторы: знания о мире, мнения, установки, и целью которого является формирование особого мышления для решения определенных задач. Отсюда следует, что ПД имеет манипулятивный потенциал, что не зависит от того, какая цель признана первостепенной: информировать адресата или манипулировать им.

В нашем случае, манипулятивный потенциал ПД выражается через новое, предложенное нами понятие ложной политкорректности. Явление новое, практически не изученное, поэтому мы предлагаем свой концепт феномена ЛПК.

По отношению к политкорректности, ложная политкорректность – это диаметрально противоположное понятие; сумма «слабых сторон» политкорректности, видоизмененных, объединённых и поставленных на службу манипулятору.

Ложная политкорректность – это явление, успешно комбинирующее в себе признаки ложной эвфемизации и ложной дисфемизации, являющиеся приёмом подмены понятий и инструментами ЛПК. Также мы считаем, что ЛПК – речевое поведение, намеренно облагораживающее заведомо недостойное, либо очерняющее заведомо недостойного очернения; способ завуалировать реальность так, чтобы положительное/нейтральное стало

отрицательным, а отрицательное/нейтральное стало положительным. Данным способ является для манипуляторов одним из эффективных.

Ложная эвфемизация и ложная дисфемизация представлены в данной работе как прием подмены понятий и по определению, в основном, совпадают эвфемизацией и дисфемизацией, но с одним лишь важным отличием: в лексему «ложная» вложен смысл «манипулятивная», то есть главное отличие – это наличие у них манипулятивного потенциала, позволяющего формировать «искаженное» восприятие действительности.

В практической части работы представлен анализ ложных политкорректных высказываний; доказана манипулятивная составляющая этих высказываний. Были выявлены многочисленные примеры в публицистическом дискурсе, где одно понятие «нагло» подменяется другим с помощью ложных эвфемизации и дисфемизации в манипулятивных целях, что приводит к неверному, искаженному пониманию ситуаций и, как следствие, к эффективному манипулированию мышлением огромных масс общества, а также к разложению их мышления, чего и добиваются манипуляторы, используя печатные СМИ.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. NEWSru.com. В российский прокат выходит фильм Алексея Балабанова "Война" [электронный ресурс] // NEWSru.com: [сайт]. [2002]. URL: <http://www.newsru.com/cinema/14mar2002/film.html> (дата обращения: 15.02.2015).
2. Арапова Н. С. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. 590 с.
3. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Либроком, 2013. 576 с.
4. Беляков А.В., Матвейчев О.А. Большая актуальная политическая энциклопедия. М.: Эксмо, 2009. 412 с.
5. Белянин В.П. Психолингвистика / Московский психосоциальный институт. М.: Флинта, 2009. 414 с.
6. Бизюков Н.В. Публицистический дискурс как система средств языковой манипуляции // Вестник КГПУ. Красноярск, 2010. №3. С. 167-172.
7. Бизюков Н.В. Явление речевой манипуляции как ложной коммуникации (на материале политического дискурса) // Вестник КГПУ. Красноярск, 2016. №3. С. 141-144.
8. Бирюков П.Н. Международное право: Учебное пособие. М.: Издательство Юрайт, 2011. 793 с.
9. Бобок Н.В. Политическая корректность в межкультурном общении [Электронный ресурс] // БГУ: [сайт]. [2010]. URL: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/21414> (дата обращения: 15.12.2015).
10. Вильданова Г.А. Гендерный аспект эвфемизации: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Бийск, 2008. 194 с.
11. Гальперин И.Р. Стилистика английского языка – 3-е изд. – М.: Книжный дом «ЛАНРИКОМ», 2010. 336 с.
12. Герасименко Д.В. Политическая корректность и стратегия вежливости // Язык, сознание, коммуникация. М.: МАКС Пресс, 2011. №42. С. 49-55.

13. Грицанов А.А., Абушенко В.Л., Евелькин Г.М., Соколова Г.Н., Терещенко О.В. Социология: Энциклопедия. Минск: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2003. 1312 с.
14. Дьяконов И.М. Архаические мифы Востока и Запада. М., 1990. С. 15.
15. Ефремова Т.В. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. [Электронный ресурс] // [сайт]. [2000]. URL: <http://www.efremova.info/> (дата обращения: 15.02.2016).
16. Заботкина В. И. Новая лексика современного английского языка: учеб. пособие. М.: Высшая Школа, 1989. 129 с.
17. Иванова О. Ф. Эвфемистическая лексика как отражение ценностей англоязычных культур: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Москва, 2004. 181 с.
18. Ионин Л.Г. Политкорректность: дивный новый мир. М.: Ад Маргинем Пресс, 2012. 112 с.
19. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М: Эксмо, 2015. 640 с.
20. Киселева Л. А. Вопросы теории речевого воздействия. ЛГУ, 1978. 158 с.
21. Белянин В.П. Шейгал Е.И. Шапина Л.Н. Киселева С.А. Функционирование эвфемизмов в современном английском военно-политическом дискурсе: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Москва, 2015
22. Комлев Н.Г. Словарь иностранных слов. М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. С. 589.
23. Копнина Г.А. Речевое манипулирование: учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2007. 176 с.
24. Красных В.В., Изотов А.И. Политическая корректность и стратегия вежливости // Язык, сознание, коммуникация: сборник статей. М.: МАКС Пресс, 2011. Вып. 42. С. 51.
25. Кронгауз М. А. Семантика. М.: Академия, 2005. 352 с.
26. Леонтович О. А., Шейгал Е. И. Жизнь и культура США // О.А. Леонтович, Е.И. Шейгал. Волгоград: Станица 2. 1998. 416 с.

- 27.Мороховский А.Н, Воробьева О.П., Липошерст Н.И., Тимпошенко Э.В.
Стилистика английского языка. Киев: Вища школа, 1991. 272 с.
- 28.Палажченко М.Ю. Политическая корректность в языковой и культурной традиции: дис. ... канд. культурол. наук: 24.00.01. Москва, 2004. 239 с.
- 29.Смирницкий А.И. Объективность существования языка. М., 1954. 328 с.
- 30.Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация // СТ. Тер-Минасова. М.: Слово, 2000. 264 с.
- 31.Шабанов С., Алешина А. Эмоциональный интеллект. Российская практика. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. С. 341.
- 32.Шапина Л.Н. Эвфемизмы в социальных сферах деятельности: политкорректность и «деревянный язык» // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение, 2008. №1. С. 147-150.
- 33.Семиотика политического дискурса: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01, 10.02.19. Волгоград, 2000. 440 с.
- 34.Шилихина К.М. Ирония как способ повышения авторитетности // Авторитетность и коммуникация: коллективная монография под ред. В.Б. Кашкина. Воронеж: ВГУ, 2008. С. 186-187.
- 35.Abbott G. Dying and killing: euphemisms in current English // English Today. Dublin: Cambridge Journals. 2010. Vol. 26 (04). P. 51-52.
- 36.AFP. Rebels claim to capture key Ukraine rail hub of Debaltseve [электронный ресурс] // The Telegraph: [сайт]. [2015]. URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/europe/ukraine/11417549/Ukraine-crisis-fighting-erupts-in-Debaltseve.html> (дата обращения: 21.04.2015).
- 37.American Heritage Dictionary [Электронный ресурс] // ahdictionary.com: [сайт]. [2016]. URL: <https://ahdictionary.com/> (дата обращения: 15.05.2016).
- 38.Associated Press. Chinese police kill 'religious extremist' [электронный ресурс] // The Daily Mail: [сайт]. [2014]. URL:

- <http://www.dailymail.co.uk/wires/ap/article-2885966/Chinese-police-kill-religious-extremist.html#ixzz3YRwc6Ndh> (дата обращения: 12.12.2015).
39. Baruchin A. Unmasking Silent Killer in Epilepsy [электронный ресурс] // The New York Times: [сайт]. [2010]. URL: <http://www.nytimes.com/2010/07/27/health/27epil.html> (дата обращения: 26.12.2015).
40. Brown M. Francis Bacon: final painting found in 'very private' collection [электронный ресурс] // The Telegraph: [сайт]. [2016]. URL: <http://www.theguardian.com/artanddesign/2016/feb/23/francis-bacon-study-of-a-bull-1991-final-painting> (дата обращения: 24.02.2016).
41. Burrige K. Is Political Correctness a Euphemism for Euphemism? [Электронный ресурс] // ABC: [сайт]. [1999]. URL: <http://www.abc.net.au/radionational/programs/linguafranca/is-political-correctness-a-euphemism-for-euphemism/3567154#transcript> (дата обращения: 15.12.2015).
42. Business Dictionary [Электронный ресурс] // businessdictionary.com: [сайт]. [2016]. URL: <http://www.businessdictionary.com/> (дата обращения: 15.05.2016).
43. Collins English Dictionary [Электронный ресурс] // collinsdictionary.com: [сайт]. [2016]. URL: <http://www.collinsdictionary.com/> (дата обращения: 15.05.2016).
44. Croom A. M. Slurs // Language Science. Amsterdam: Elsevier. 2011. Vol. 33. P. 343-358.
45. Davidson B. W. Political Correctness in the Land of Conformity // Springer Science. New York: Business Media. 2013. Vol. 26. P. 182-191.
46. Donnelley P. Russia told by Europe not to send 'aid convoy' to rebels in Ukraine as Kremlin accused of massing 45,000 troops on border [электронный ресурс] // The Daily Mail: [сайт]. [2014]. URL: <http://www.dailymail.co.uk/news/article-2722321/Russia-told-Europe-not->

send-aid-convoy-rebels-Ukraine-Kremlin-accused-massing-45-000-troops-border.html (дата обращения: 17.02.2016).

47. Ellick A. B., Alderman L. Crisis in France Is Seen as Sign of Chronic Ills [электронный ресурс] // The New York Times: [сайт]. [2015]. URL: http://www.nytimes.com/2015/01/15/world/europe/crisis-in-france-is-seen-as-sign-of-chronic-ills.html?_r=1 (дата обращения: 14.12.2015).
48. Encyclopædia Britannica [Электронный ресурс] // global.britannica.com/: [сайт]. [2016]. URL: <http://global.britannica.com/> (дата обращения: 15.05.2016).
49. Feers J. Manipulation and language // Discourse & Society. London. SAGE Publications. 2014. Vol. 61 (4). P. 241-258.
50. Feherty D. Old golfers don't die - they just keep going, and going... [электронный ресурс] // The Golf Magazine: [сайт]. [2014]. URL: <http://www.golf.com/tour-and-news/old-golfers-dont-die-151-they-just-keep-going-and-going> (дата обращения: 15.12.2015).
51. Finkelstein L. M. Overqualified as a Euphemism for Too Old? // Industrial and Organizational Psychology. Dublin: Cambridge Journals. 2011. Vol. 4 (2). P. 250-251
52. Gardner J. F. Politically Correct Bedtime Stories. New Jersey: John Wiley & Sons Inc, 1994. P. 10-12.
53. Halliburton R. Power paranoia [электронный ресурс] // The London Evening Standard: [сайт]. [2003]. URL: <http://www.standard.co.uk/goingsout/theatre/power-paranoia-7433706.html> (дата обращения: 22.12.2015).
54. Halmari H. Political correctness, euphemism, and language change: The case of 'people first' // Journal of Pragmatics. Amsterdam: Elsevier. 2011. Vol. 43. P. 828-840.
55. Heer J. Stress Test // The New Republic. Washington: The New Republic. 2015. Vol. 30. P. 89-95.
56. Herszenhorn D. M. Ukraine Suspects Terrorism in Pipeline Explosion [электронный ресурс] // The New York Times: [сайт]. [2014]. URL:

- <http://www.nytimes.com/2014/06/18/world/europe/ukraine-suspects-terrorism-in-pipeline-explosion.html> (дата обращения: 23.12.2015).
57. Herszenhorn D. M., Kramer A. E. Ukraine Plans to Withdraw Troops From Russia-Occupied Crimea [электронный ресурс] // The New York Times: [сайт]. [2014]. URL: <http://www.nytimes.com/2014/03/20/world/europe/crimea.html> (дата обращения: 14.03.2016).
58. Hollander P. Peer Review, Political Correctness, and Human Nature // Springer Science. New York: Business Media. 2013. Vol. 31. P. 25-36.
59. Holliday A. Response to 'ELT and "the spirit of the times"' // ELT J. Oxford University Press. 2007. Vol. 61 (4). P. 360-366.
60. Hughes G. Political correctness: A history of semantics and culture // Language in Society. Oxford. 2011. Vol. 40. P. 673-674.
61. Irizarry L. Intoxicated Central Islip mom crashed with 3 kids in car, cops say [электронный ресурс] // The Newsday: [сайт]. [2016]. URL: <http://www.newsday.com/long-island/crime/intoxicated-central-islip-mom-crashed-with-3-kids-in-car-cops-say-1.11748963> (дата обращения: 15.05.2016)
62. Johnson S., Culpeper J., Suhr S. From 'politically correct councillors' to 'Blairite nonsense': discourses of 'political correctness' in three British newspapers // Discourse & Society. London: SAGE Publications. 2003. Vol. 14 (1). P. 21-47.
63. Jons C. Intellectually impaired South African off to World Cup [электронный ресурс] // The SANC: [сайт]. [2014]. URL: <http://www.sanc.co.za/news/a/32aa1a80450fe5a1800e91a5ad025b24/Intellectually-impaired-South-African-off-to-World-Cup-20140811> (дата обращения: 13.12.2015).
64. Kahlenberg R. D. Addressing the Economic Divide Is Better Than Race-Based Affirmative Action [электронный ресурс] // The New York Times: [сайт]. [2013]. URL: <http://www.nytimes.com/roomfordebate/2013/05/13/can->

- diversity-survive-without-affirmative-action/addressing-the-economic-divide-is-better-than-race-based-affirmative-action (дата обращения: 28.11.2015).
65. Kramer A. E. Rebels Killed Dozens in Attack on Refugees, Ukraine Says [электронный ресурс] // The New York Times: [сайт]. [2014]. URL: http://www.nytimes.com/2014/08/19/world/europe/ukraine-russia-convoy-talks.html?_r=0 (дата обращения: 23.12.2015).
66. Legal Dictionary [Электронный ресурс] // thefreedictionary.com: [сайт]. [2016]. URL: <http://legal-dictionary.thefreedictionary.com/> (дата обращения: 15.05.2016).
67. Linning S. Is this the rudest rejection letter ever? Jobseeker shocked to be sent email calling him an 'old, aesthetically challenged professional pr*** with no teeth' [электронный ресурс] // The Daily Mail: [сайт]. [2015]. URL: <http://www.dailymail.co.uk/news/article-2951973/Is-rudest-rejection-letter-Jobseeker-shocked-sent-email-calling-old-aesthetically-challenged-professional-pr-no-teeth.html#ixzz3YS1NRSKi> (дата обращения: 05.12.2015).
68. Luhn A. Ukraine: general reportedly among dead as rebels down helicopter [электронный ресурс] // The Guardian: [сайт]. [2014]. URL: <http://www.theguardian.com/world/2014/may/29/ukraine-anti-terror-hardens-opposition-donbass> (дата обращения: 03.12.2015).
69. Maass V.S. Coping with control and manipulation. Greenwood Publishing Group, 2010. 160 p.
70. Maguire D. C. The Abnormality of War: Dissecting the “Just War” Euphemisms and Building an Ethics of Peace // Horizons. Dublin: Cambridge Journals. 2006. Vol. 33 (01). P. 111-126.
71. Merriam-Webster [Электронный ресурс] // merriam-webster.com: [сайт]. [2016]. URL: <http://www.merriam-webster.com/> (дата обращения: 15.05.2016).

- 72.Neduva A., Kanevsky M., Lerner V. Perverse political correctness and personality traits // Medical Hypotheses. Amsterdam: Elsevier. 2012. Vol. 78. P. 146-150.
- 73.Oxford Dictionaries [электронный ресурс] // Oxforddictionaries.com: [сайт]. [2016].URL: <http://www.oxforddictionaries.com/> (дата обращения: 21.12.2015)
- 74.Oxford Guide to British and American Culture. Oxford University Press, 2010. 542 p.
- 75.Parfitt T. Ukraine accuses Russia of 'direct invasion' as aid convoy crosses border [электронный ресурс] // The Telegraph: [сайт]. [2014]. URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/europe/ukraine/11050366/Ukraine-accuses-Russia-of-direct-invasion-as-aid-convoy-crosses-border.html> (дата обращения: 20.12.2015).
- 76.Paschyn C. M. Russia Is Trying to Wipe Out Crimea's Tatars [электронный ресурс] // The New York Times: [сайт]. [2016]. URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/europe/ukraine/11050366/Ukraine-accuses-Russia-of-direct-invasion-as-aid-convoy-crosses-border.html> (дата обращения: 25.05.2016).
- 77.Rabab'ah G. Euphemism in Saudi Arabic and British English // Journal of Pragmatics. Amsterdam: Elsevier. 2012. Vol. 44. P. 730-743.
- 78.Reinelt J. The Performance of Political Correctness // Theatre Research International. Dublin: Cambridge Journals. 2011. Vol. 36 (02). P. 134-147.
- 79.Taylor W., Pifer S. K., Herbst J. E. Don't Forget Crimea. [электронный ресурс] // The New York Times: [сайт]. [2014]. URL: <http://www.nytimes.com/2014/06/09/opinion/dont-forget-crimea.html> (дата обращения: 18.12.2015).
- 80.Tsai M.-H. Managing topics of birth and death in doctor-patient communication // Journal of Pragmatics. Amsterdam: Elsevier. 2010. Vol. 42. P. 1350-1363.

81. Van Dijk T.A. Discourse and manipulation // Discourse & Society. London: SAGE Publications. 2006. Vol. 17 (2). P. 359-383.
82. Walker S. Donetsk's pro-Russia rebels celebrate expelling 'fascist Ukrainian junta' [электронный ресурс] // The Guardian: [сайт]. [2014]. URL: <http://www.theguardian.com/world/2014/sep/08/donetsk-pro-russia-rebels-ukrainian-junta> (дата обращения: 18.12.2015).
83. Wardrop M. Job titles get jargon makeover to boost appeal [электронный ресурс] // The Telegraph: [сайт]. [2009]. URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/uknews/5120938/Job-titles-get-jargon-makeover-to-boost-appeal.html> (дата обращения: 06.12.2015).
84. Waterfield B. European leaders warn Russian invasion of east Ukraine at 'a point of no return' [электронный ресурс] // The Telegraph: [сайт]. [2014]. URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/europe/ukraine/11065657/European-leaders-warn-Russian-invasion-of-east-Ukraine-at-a-point-of-no-return.html> (дата обращения: 11.12.2015).

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ А

Политкорректная сказка «Три поросенка»

The Three Little Pigs

Once there were three little pigs who lived together in mutual respect and in harmony with their environment. Using materials which were indigenous to the area, they each built a beautiful house... One day, along came a big, bad wolf with expansionist ideas. He saw the pigs and grew very hungry in both a physical and ideological sense. When the pigs saw the wolf, they run into the house of straw. The wolf ran up to the house and banged on the door, shouting, «Little pigs, little pigs, let me in!»

The pigs shouted back, «Your gunboat tactics hold no fear for pigs defending their homes and culture».

But the wolf wasn't to be denied what he thought was his manifest destiny. So he huffed and puffed and blew down the house of straw. The frightened pigs ran to the house of sticks, with the wolf in hot pursuit. Where the house of straw had stood, other wolves bought up the land and started a banana plantation.

At the house of sticks, the wolf again banged on the door and shouted, «Little pigs, little pigs, let me in!»

The pigs shouted back, «Go to hell, you carnivorous, imperialistic oppressor!»

At this, the wolf chuckled condescendingly. He thought to himself: «They are so childlike in their ways. It will be a shame to see them go, but progress cannot be stopped».

So the wolf huffed and puffed and blew down the house of sticks. The pigs ran to the house of bricks, with the wolf close at their heels. Where the house of sticks stood, other wolves built a time-share condo resort complex for vacationing

wolves, with each unit a fiberglass reconstruction of the house of sticks, as well as native curio shops, snorkeling, and dolphin shows.

At the house of bricks, the wolf again banged on the door and shouted, «Little pigs, little pigs, let me in!»

This time in response, the pigs sang songs of solidarity and wrote letters of protest to the United Nations.

By now the wolf was getting angry at the pigs' refusal to see the situation from the carnivore's point of view. So he huffed and puffed, and huffed and puffed, then grabbed his chest and fell over dead from a massive heart attack brought on from eating too many fatty foods.

The three little pigs rejoiced that justice had triumphed and did a little dance around the corpse of the wolf. Their next step was to liberate their homeland. They gathered together a band of other pigs who had been forced off their lands. This new brigade of porcinistas attacked the resort complex with machine guns and rocket launchers and slaughtered the cruel wolf-oppressors, sending a clear signal to the rest of the hemisphere not to meddle in their internal affairs. Then the pigs set up a model socialist democracy with free education, universal health care, and affordable housing for everyone [Тер-Минасова, 2000: 218-220; цит. по: Gardner, 1994: 10-12].